

Музыкальное наследие поэта-демократа

К 75-летию со дня смерти Н. П. Огарева

В обширном рукописном наследии поэта Николая Платоновича Огарева небольшой, но любопытный раздел составляют его нотные автографы. Среди них — многочисленные наброски фортепианных пьес, отрывок из неоконченной оперы на текст пушкинской «Русалки» (песня «Сватушка, сватушка»), романсы на стихи Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Фета, зарубежных поэтов-классиков.

Все эти сочинения долгие годы были неизвестны не только широкому кругу слушателей, но даже специалистам. Правда, еще в 1854 году петербургский издатель Битнер выпустил в свет несколько романсов Н. П. Огарева. Из них до нас дошли всего два романа («Полю, братцы», «Тоска по родине»), представляющие ныне уникальную библиографическую редкость.

Серьезное изучение музыкального творчества Огарева было начато лишь при советской власти. В 1943 году были опубликованы три его романа на слова Лермонтова — «Тучи», «Песнь рыбки» из поэмы «Мцыри», «Есть речи — значенье», которые прочно вошли в наш концертный репертуар.

Недавно собрание нотных автографов Огарева пополнилось еще рядом новых произведений за счет поступившей в Центральный Государственный архив Октябрьской революции пражской коллекции рукописей А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Благодаря этому мы можем составить теперь достаточно полное представление о музыкальном творчестве выдающегося русского поэта.

Любовь или, точнее, страсть к музыке владела Н. П. Огаревым с юных лет и не угасала до последних дней его жизни. «Мне жаль, что я не музыкант... Музыка мне отрадной поэзии», — часто говорил Огарев. Он с горечью пишет Герцену: «Для чего я не знаю музыки? Какая симфония вылетела бы из моей души теперь!». А в одном из писем к Н. Тучковой-Огаревой у поэта вырывается признание: «...я отдал бы полжизни для того, чтоб быть музыкантом!».

Переписка Огарева полна впечатлений и метких суждений о музыке. Особенно интересна оценка Огаревым музыки Бетховена, ее яркой социальной направленности, ее прогрессивного характера. Когда Огареву нужно резко выступить против реакционной теории «искусства ради искусства», он в качестве одного из ярчайших примеров привлекает музыку Бетховена: «Когда французская революция пела Марсельезу..., не прогмемела ли с плачем и торжеством героическая симфония?».

Поэзия Огарева наполнена музыкальными образами. Недаром многие его стихи имеют размеры, ритмы и даже названия музыкальных произведений, некоторые из них рождались у поэта вместе с музыкой. В письме от 1841 года к М. Рославлевой Огарев сообщает из Праги: «Здесь, в славянских странах... все действительно трогает за живое. Я ехал; опять снег, поле. Что-то родное отозвалось в душе. Я думал о России, и две маленькие пьесы спелись на какой-то голос...».

Речь идет об известных стихотворениях поэта «Дорога» и «Кабак». Про то, как спелись поэту эти стихи,

наглядно повествует уцелевший нотный автограф песни «Дорога». Этот незаконченный музыкальный набросок принадлежит к числу наиболее национально окрашенных, по-русски задуманных высказываний поэта-музыканта, стремившегося и в стихах и в напеве передать образ бесконечных русских дорог и «долгих» ямщицких песен... К этому же времени, то есть к началу сороковых годов прошлого века, и относятся первые опыты музыкального творчества Огарева. Поэт, видимо, осознает несовершенство этих первых опытов и пытается хотя бы самостоятельно изучить основы композиторского мастерства. «Занимаюсь генерал-басом, — сообщает он друзьям в конце пятидесятых годов, — и пишу романс за романсом».

Лучшие романсы Огарева навеяны поэзией русских классиков и, в особенности, поэзией Лермонтова, любимого поэта Огарева. Лермонтовские романсы Огарева интересны и поучительны не только с точки зрения того, как «пропел» поэт-музыкант стихи другого поэта. Эти романсы имеют самостоятельное художественное значение как образцы русской бытовой вокальной лирики, своеобразно отразившей определенный круг музыкальных образов, популярных в среде русской передовой интеллигенции конца сороковых годов прошлого века.

Наиболее плодотворным для Огарева-музыканта оказалось воздействие демократических мотивов песенной лирики А. Алябьева (романсы Огарева «Выхожу один я на дорогу», «Тучи» на слова Лермонтова, «Дорога» на собственный текст).

Тяготение к национально-русской, народной песенности возрастает в конце жизни Огарева, когда поэт все чаще задумывается над «заветным» вопросом: как нам дойти до слога, понятного для простолюдия? В это время Огарев, создавая стихи с ярко выраженным революционным содержанием, всегда имеет в виду и определенный мотив, на который должна распеваться в народе та или иная его революционная песня. В это время он и сам пытается создавать не только тексты песен, но и напевы к ним в народном духе.

Каково художественное значение музыкального наследия Огарева? Представляется бесспорным, что вокальное творчество поэта неизмеримо интереснее и самобытнее, чем его инструментальная музыка. Не все равноценно и в романах поэта-музыканта. Недостаток техники сказывается на фактуре фортепианных партий, которая порою бывает недостаточно насыщена. Однако мелодика огаревских романсов, особенно на стихи русских поэтов, подкупает своей пластичностью и естественностью, здесь чувствуется чуткое, осмысленное прочтение композитором поэтического текста.

В предпринятом «Литературным наследием» совместно с Центральным Государственным архивом Октябрьской революции капитальном издании пражской коллекции рукописей А. И. Герцена и Н. П. Огарева предполагается публикация и музыкальных сочинений последнего.

Е. КАНН-НОВИКОВА.